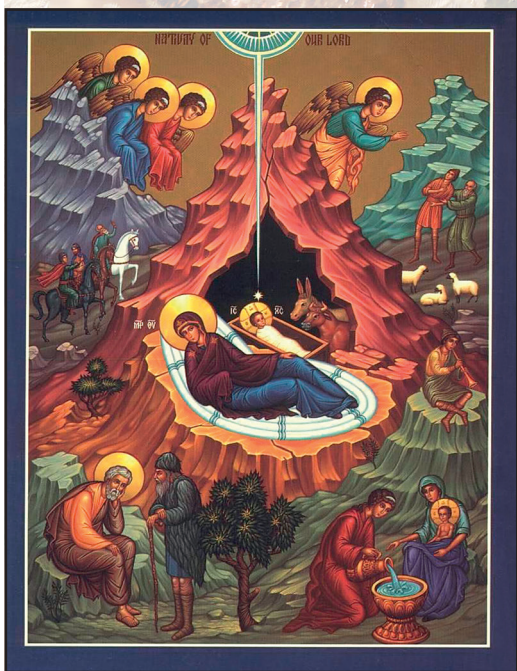

Дорогие братья и сестры во Христе

«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2, 14).

С радостным праздником Христова Рождества приветствую вас, всечестные отцы, братья и сестры!

Поем мы ныне устами, поем и сердцем с чувством радостного умиления эту ангельскую песнь: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Подражая воинству небесному, мы составляем сонмы ликов земных и, славя Бога в вышних, славим Его на земле, славим за человеколюбное ниспослание нам на землю Божественного мира — Христа, Который есть мир наш.

По беспредельной любви своей и снисхождению к роду человеческому снисшед на землю от Престола славы Царствия Своего, Он воспринял наше естество, дабы соединить разстоящая естества — небо с землею, ангелов с человеками, «дабы из двух создать в Себе Самом одного, нового человека, устроая мир»; «и, пришед, благовествовал мир нам, дальним и ближним, потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе» (Ефес. 2, 15, 17, 18).

Господь Иисус Христос принес нам мир благодатного разума и познания. Глубокая тьма неведения Бога покрывала нравственный мир до пришествия Христова. Человек, отпав от Бога грехом, отпал и от правого ведения Бога: изменил славу нетленного Бога в подобие образа тленного человека (Рим. 1, 23). Не разумея Бога, мог ли он разуместь и себя и

воздавать должное ближнему? Каждый во всем видел и искал только самого себя, а на ближних взирал, как на предмет своих корыстей, как на орудие честолюбивых и других греховных видов. Во тьме неведения Бога, себя и ближних люди ходили в необузданности страстей. И вот Сын Божий пришествием Своим озарил блуждающий мир, людей, «сидящих во тьме и сени смертной», светом истинного Боговедения; явил тайну Триипостасного Божества и вместе явил и утешительную истину, что все люди по единству происхождения, а еще более по благодатному званию суть между собою братья, члены единого благодатного тела, которых Отец Небесный, как рассеянных чад, собирает в единую Церковь, дабы все мы духовным общением являли в себе Царствие Божие, Царствие правды и мира.

Приветствуя всех вас, дорогие братья и сестры с праздником Рождества Христова, этим праздником мира и Божественной любви к нам, желаю благодатного Новолетия. Да пребудет наступающий 2014 год временем мира и благоденствия.

«Господи, Боже наш, мир даждь нам, вся бо воздал еси нам» (Ис. 26, 12). Аминь.

Протоиерей Виктор Петлюченко

АНОНСЫ

Отношение к инославью

На протяжении многовековой истории Церкви Христовой от начала ее исторического бытия и до наших дней она проходит сложный процесс постоянного преодоления вероучительных, канонических и практических заблуждений, затрагивающих фактически все стороны ее существования.

В наше время православные христиане должны знать о том, как же относиться к христианам, которые по разным причинам отпали от единства со Святой Соборной и Апостольской Церковью.

Ответ на этот вопрос дает Юбилейный архиерейский собор Русской Православной Церкви, происходивший в Москве 13-16 августа 2000 года, который принял соответствующее Определение об основных принципах отношения Русской Православной Церкви к инославью.

Продолжение на стр. 2-3

Свобода и произвол

Проблема свободы, — одна из важных и сложных задач человечества, она волновала многих мыслителей на протяжении своей многовековой истории, и волнует до сих пор. Сегодня целесообразно вновь возвратиться к этой глобальной теме человечества, которая на протяжении многих веков занимала умы философов, богословов, политиков, ученых, так и не получив однозначного разрешения.

Без преувеличения можно сказать, что «свобода» является главной ценностью для современного человека. Ради свободы, или того, что мы считаем свободой, многие из нас готовы пожертвовать другими, менее значимыми, ценностями и благами жизни. Так что же такое свобода, которую мы ищем и к которой неустанно стремимся?

Самое простое понимание свободы — это возможность действовать в соответствии со своими желаниями. Именно в реализации этой мечты многие люди видят для себя высшее благо.

Продолжение на стр. 4-5

Роли мужчины и женщины в браке

В наше время все привычнее становится рассматривать мужчину и женщину, как равноправных партнеров в проекте под названием «семья». Иерархия нынче не в моде. Мало кому посчастливилось на родительском примере быть воспитанным и обученным этой премудрости. Мужчины, ссылаясь на Св. Писание, ожидают от женщины послушания, часто не желая рассматривать его в связке со своей ответственностью. А когда задумываются об ответственности, мужестве и решительности, то скорее готовы отказаться от главенствующей роли — не по плечу зачастую она им оказывается. Женщины и вовсе считают: Евангелие — отдельно, а жизнь — отдельно. Вот постояли мы на Богослужении с покрытой опущенной головой — и достаточно. Для чего и во имя чего женщине, получив хорошее образование, имея прекрасные способности соглашаться на скромное и зависимое положение в семье?

Продолжение на стр. 8

Отношение православных к инославии

«Заслушав доклад председателя Синодальной Богословской комиссии Русской Православной Церкви Преосвященного митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, об основных принципах отношения Русской Православной Церкви к инославии, Освященный Архиерейский Собор определяет:

1. Принять «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославии», подготовленные Синодальной Богословской комиссией.

2. Клирикам и мирянам Русской Православной Церкви руководствоваться «Основными принципами отношения Русской Православной Церкви к инославии» при участии в контактах с инославными.

3. Направить документ в Духовные школы Московского Патриархата для изучения».

1. Единство Церкви и грех человеческих разделений

1.1. Православная Церковь есть истинная Церковь Христова, созданная Самим Господом и Спасителем нашим, Церковь утвержденная и исполняемая Духом Святым, Церковь, о которой Сам Спаситель сказал: «Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18). Она есть Единая, Святая, Соборная (Кафолическая) и Апостольская Церковь, хранительница и подательница Святых Таинств во всем мире, «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15). Она несет полноту ответственности за распространение Истины Христова Евангелия, равно как и полноту власти свидетельствовать о «вере, однажды преданной святым» (Иуд. 3).

1.2. Церковь Христова едина и единственна (св. Киприан Карфагенский. «О единстве Церкви»). Основанием единства Церкви — Тела Христова — является то, что у нее один Глава — Господь Иисус Христос (Еф. 5, 23) и действует один Дух Святой, животворящий Тело Церкви и соединяющий всех ее членов со Христом как с ее Главой.

1.3. Церковь есть единство «нового человека во Христе». Воплощением и вочеловечением Сын Божий «снова начал длинный ряд человеческих существ» (св. Ириней Лионский), создав новый, благодатный народ, духовное потомство Второго Адама. Единство Церкви превышает всякого человеческого и земного единства, оно дано свыше как совершенный и божественный дар. Члены Церкви объединены во Христе Им Самим, объединены, как виноградные лозы, укорененные в Нем и собранные в единство вечной и духовной жизни.

1.4. Единство Церкви преодолевает барьеры и границы, в том числе расовые, языковые, социальные. Благоустройство спасения надлежит провозглашать всем народам, дабы привести их в единое лоно, объединить силой веры, благодатью Святого Духа (Мф. 28, 19-20; Мк. 16, 15; Деян. 1, 8).

1.5. В Церкви преодолевается враждебность и отчужденность, совершается единение в любви разделенного грехом человечества по образу Единосущной Троицы.

1.6. Церковь есть единство Духа в союзе мира (Еф. 4, 3), полнота и непрерывность благодатной жизни и духовного опыта. «Где Церковь, там и Дух Божий, и где Дух Божий, там и Церковь и всякая благодать» (св. Ириней Лионский. «Против ересей». книга 3. гл. XXIV). В единстве благодатной жизни заключается основание единства и неизменности церковной веры. Всегда и неизменно «учит Дух Святой Церковь через посредство святых отцов и учителей. Кафолическая Церковь не может погрешать или заблуждаться и изрекать ложь вместо истины: ибо Дух Святой, всегда действующий через вернопослушающих отцов и учителей Церкви, предохраняет ее от всякого заблуждения» (Послание Восточных Патриархов).

1.7. Церковь имеет вселенский характер — она существует в мире в виде различных Поместных Церквей, но единство Церкви при этом нисколько не умаляется. «Церковь, озаренная светом Господним, по всему миру распространяет лучи свои; но свет, разливающийся повсюду, один, и единство тела остается неразделенным. По всей земле она распростирает ветви свои, обремененные плодами; обильные потоки ее текут на далекое пространство — при всем том глава остается одна, одно начало, одна мать, богатая изобилием плодотворения» (св. Киприан Карфагенский. «О единстве Церкви»).

1.8. Единство церковное находится в неразрывной связи с Таинством Евхаристии, в котором верующие, причащаясь Единого Тела Христова, подлинно и действительно сочетаются во единое и кафолическое тело, в таинстве любви Христовой, в преображающей силе Духа. «Ведь

если «все от одного хлеба приобщаемся», то все одно тело составляем (1 Кор. 10, 17), ибо Христос не может быть разделяем. Поэтому и телом Христовым называется Церковь, а мы — отдельные члены, по пониманию апостола Павла (1 Кор. 12, 27)» (св. Кирилл Александрийский).

1.9. Единая Святая Соборная Церковь есть Церковь Апостольская. Через богоустановленное священство дары Святого Духа сообщаются верующим. Апостольское преемство иерархии от святых апостолов есть основание общности и единства благодатной жизни. Отступление от законного Священноначалия есть отступление от Духа Святого, от Самого Христа. «Все последуйте епископу, как Иисус Христос — Отцу, а пресвитерству — как апостолам. Диаконов же почитайте как заповедь Божию. Без епископа никто не делай ничего, относящегося к Церкви. Где будет епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и кафолическая Церковь» (св. Игнатий Антиохийский. Смирн. 8).

1.10. Только через связь с конкретной общиной осуществляется для каждого члена Церкви общение со всею Церковью. Нарушая канонические связи со своей Поместной Церковью, христианин тем самым повреждает свое благодатное единство со всем телом церковным, отрывается от него. Любой грех в той или иной мере удаляет от Церкви, хотя и не отлучает от нее полностью. В понимании Древней Церкви отлучение было исключением из евхаристического собрания. Но прием в церковное общение отлученного никогда не совершался через повторение Крещения. Вера в неизгладимость Крещения исповедуется в Никео-Цареградском Символе веры: «Исповедую едино Крещение во оставление грехов». 47-е апостольское правило гласит: «Епископ или пресвитер, аще по истине имеющего Крещение вновь окрестит... да будет извержен».

1.11. Этим Церковь свидетельствовала, что отлученный сохраняет «печать» принадлежности к народу Божию. Принимая обратно отлученного, Церковь возвращает к жизни того, кто уже был крещен Духом в одно Тело. Отлучая от общения своего члена, запечатленного ею в день его Крещения, Церковь надеется на его возвращение. Она рассматривает само отлучение как средство духовного возрождения отлученного.

1.12. На протяжении веков заповедь Христа о единстве неоднократно нарушалась. Вопреки богозаповеданному кафолическому единomyслию и единодушию в христианстве возникли разномыслия и разделения. Церковь всегда строго и принципиально относилась как к тем, кто выступал против чистоты спасительной веры, так и к тем, кто привносил в Церковь разделения и смуту: «К чему у вас распри, негодования, несогласия, разделения и брань? Не один ли у нас Бог и един Христос, и един Дух благодати, излианный на нас, и едино звание во Христе? Для чего мы раздираем и расторгаем члены Христовы, восстаем против собственного тела, и до такого доходим безумия, что даже забываем, что мы друг другу члены» (св. Климент Римский. Послание к коринфянам. 1. 46).

1.13. На протяжении христианской истории от единства с Православной Церковью отделялись не только индивидуальные христиане, но и целые христианские сообщества. Некоторые из них исчезли в ходе истории, другие же сохранились на протяжении веков. Наиболее существенные разделения первого тысячелетия, сохранившиеся до сего дня, произошли после неприятия частью христианских общин решений III и IV Вселенских Соборов, в результате в отделенном состоянии оказались существующие доныне Ассирийская Церковь Востока, дохалкидонские Церкви — Коптская, Армянская, Сиро-Яковитская, Эфиопская, Малабарская. Во II тысячелетии за отделением Римской Церкви последовали внутренние разделения западного христианства, связанные с Реформацией и приведшие к непрекращающемуся процессу образованию множества христианских деноминаций, не находящихся в общении с Римским престолом. Возникали также отделения от единства с Поместными Православными Церквями, в том числе с Русской Православной Церковью.

1.14. Заблуждения и ереси являются следствием эгоистического самоутверждения и обособления. Всякий раскол или схизма приводят к той или иной мере отпадения от Полноты церковной. Разделение, даже если оно происходит по причинам не вероучительного характера, есть нарушение учения о Церкви и в конечном итоге приводит к искажениям в вере.

1.15. Православная Церковь устами святых отцов утверждает, что спасение может быть обретоено лишь в Церкви Христовой. Но в то же время общины, отпавшие от единства с Православием, никогда не рассматривались как полностью лишенные благодати Божией. Разрыв церковного общения неизбежно приводит к повреждению благодатной жизни, но не всегда к полному ее исчезновению в отделившихся общинах. Именно с этим связана практика приема в Православную Церковь приходящих из инославных сообществ не только через Таинство Крещения. Несмотря на разрыв единения, остается некое неполное общение, служащее залогом возможности возвращения к единству в Церкви, в кафолическую полноту и единство.

1.16. Церковное положение отделившихся не поддается однозначному определению. В разделенном христианском мире есть некоторые признаки, его объединяющие: это Слово Божие, вера во Христа как Бога и Спасителя пришедшего во плоти (1 Ин. 1, 1–2; 4, 2, 9), и искреннее благочестие.

1.17. Существование различных чиноприемов (через Крещение, через Миропомазание, через Покаяние) показывает, что Православная Церковь подходит к инославным конфессиям дифференцированно. Критерием является степень сохранности веры и строя Церкви и норм духовной христианской жизни. Но, устанавливая различные чиноприемы, Православная Церковь не выносит суда о мере сохранности или поврежденности благодатной жизни в инославии, считая это тайной Промысла и суда Божия.

1.18. Православная Церковь есть истинная Церковь, в которой неповрежденно сохраняется Священное Предание и полнота спасительной благодати Божией. Она сохранила в целостности и чистоте священное наследие апостолов и святых отцов. Она сознает тождественность своего учения, богослужебной структуры и духовной практики апостольскому благовестию и Преданию Древней Церкви.

1.19. Православие не является «национально-культурной принадлежностью» Восточной Церкви. Православие — это внутреннее качество Церкви, сохранение вероучительной истины, богослужебного и иерархического строя и принципов духовной жизни, непрерывно и неизменно пребывающих в Церкви со времен апостольских. Нельзя поддаваться искушению идеализации прошлого или игнорировать трагические недостатки или неудачи, имевшие место в истории Церкви. Образец духовной самокритики дают прежде всего великие отцы Церкви. История Церкви знает немало случаев ниспадения в ересь значительной части церковного народа. Но она знает также и то, что Церковь принципиально боролась с ересью, знает и опыт исцеления от ереси некогда заблудших, опыт покаяния и возвращения в лоно Церкви. Именно трагический опыт появления неправомыслия в недрах самой Церкви и борьбы с ним приучил чад Православной Церкви к бдительности. Православная Церковь, смиренно свидетельствуя о том, что она хранит истину, в то же время помнит обо всех исторически возникавших соблазнах.

1.20. Вследствие нарушения заповеди о единстве, вызвавшего историческую трагедию схизмы, разделившиеся христиане, вместо того, чтобы быть примером единства в любви по образу Пресвятой Троицы, стали источником соблазна. Разделенность христиан явилась открытой и кровоточащей раной на Теле Христовом. Трагедия разделений стала серьезным видимым искажением христианского универсализма, препятствием в деле свидетельства миру о Христе. Ибо действенность этого свидетельства Церкви Христовой в немалой степени зависит от воплощения проповедуемых ею истин в жизни и практике христианских общин.

2. Стремление к восстановлению единства

2.1. Важнейшей целью отношений Православной Церкви с инославием является восстановление богозаповеданного единства христиан (Ин. 17, 21), которое входит в Божественный замысел и принадлежит к самой сути христианства. Это задача первостепенной важности для Православной Церкви на всех уровнях ее бытия.

2.2. Безразличие по отношению к этой задаче или отвержение ее является грехом против заповеди Божией о единстве. По словам святителя Василия Великого, «искренно и истинно работающим для Господа надо о том единственно прилагать старание, чтобы привести опять к единству Церкви, так многократно между собой разделенные».

2.3. Но, признавая необходимость восстановления нарушенного христианского единства, Православная Церковь утверждает, что

подлинное единство возможно лишь в лоне Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Все иные «модели» единства представляются неприемлемыми.

2.4. Православная Церковь не может принять тезис о том, что, несмотря на исторические разделения, принципиальное, глубинное единство христиан якобы нарушено не было и что Церковь должна пониматься совпадающей со всем «христианским миром», что христианское единство якобы существует поверх деноминационных барьеров и что разделенность церквей принадлежит исключительно к несовершенному уровню человеческих отношений. По этой концепции, Церковь остается единой, но это единство недостаточно проявляется в зримых формах. В такой модели единства задача христиан понимается не как восстановление утраченного единства, а как выявление единства, неотъемлемо существующего. В этой модели повторяется возникшее в Реформации учение о «невидимой церкви».

2.5. Совершенно неприемлема и связанная с вышеизложенной концепцией так называемая «теория ветвей», утверждающая нормальность и даже провиденциальность существования христианства в виде отдельных «ветвей».

2.6. Для Православия неприемлемо утверждение о том, что христианские разделения являются неизбежным несовершенством христианской истории, что они существуют лишь на исторической поверхности и могут быть исцелены или преодолены при помощи компромиссных межденоминационных соглашений.

2.7. Православная Церковь не может признавать «равенство деноминаций». Отпавшие от Церкви не могут быть воссоединены с ней в том состоянии, в каком находятся ныне, имеющиеся догматические расхождения должны быть преодолены, а не просто обойдены. Это означает, что путем к единству является путь покаяния, обращения и обновления.

2.8. Неприемлема мысль о том, что все разделения суть трагические недоразумения, что несогласия кажутся непримиримыми только от недостатка любви друг к другу, от нежелания понять, что при всем различии и несходстве есть достаточное единство и согласие в «главном». Разделения не могут быть сведены к человеческим страстям, эгоизму или тем более культурным, социальным или политическим обстоятельствам. Также неприемлемо утверждение, что Православную Церковь отличают от христианских сообществ, с которыми она не имеет общения, вопросы второстепенного характера. Нельзя сводить все разделения и разногласия к различным небогословским факторам.

2.9. Православная Церковь отвергает также тезис о том, что единство христианского мира можно восстановить только путем совместного христианского служения миру. Христианское единство не может быть восстановлено согласием по мирским вопросам, при котором христиане окажутся едины во второстепенном и по-прежнему будут расходиться в основном.

2.10. Недопустимо ограничивать согласие в вере узким кругом необходимых истин, чтобы за их пределами допустить «свободу в сомнительном». Неприемлема сама установка на толерантность к разномыслию в вере. Но при этом нельзя смешивать единство веры и формы его выражения.

2.11. Разделение христианского мира есть разделение в самом опыте веры, а не только в доктринальных формулах. Должно быть достигнуто полное и искреннее согласие в самом опыте веры, а не только в ее формальном выражении. Формальное вероисповедное единство не исчерпывает единства Церкви, хотя и является одним из его необходимых условий.

2.12. Единство Церкви есть прежде всего единство и общение в Таинствах. Но подлинное общение в Таинствах не имеет ничего общего с практикой так называемого «интеркоммуниона». Единство может осуществиться только в тождестве благодатного опыта и жизни, в вере Церкви, в полноте таинственной жизни в Духе Святом.

2.13. Восстановление христианского единства в вере и любви может прийти только свыше, как дар Всемогущего Бога. Источник единства — в Боге, и поэтому одни только человеческие усилия для его восстановления будут напрасны, ибо «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Пс. 126, 1). Только Господь наш Иисус Христос, давший заповедь о единстве, есть Тот, Кто может дать силы для ее исполнения, ибо Он есть «путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). Задачей же православных христиан является соработничество Богу в деле спасения во Христе.

Свобода и произвол

Однако, при более подробном рассмотрении мы можем понять, что идеал свободы очень субъективен и противоречив. Например, очевидно, что наша «свобода действий» способна причинить боль другому человеку. Преступник, совершая беззакония, упивается своей свободой, которую понимает как безнаказанность. Ясно, что свобода любого человека должна быть ограничена, как минимум, таким образом, чтобы она не причиняла вред окружающим. Но легко ли провести эту грань в человеческих взаимоотношениях? Ведь немалый вред тому, кто рядом с нами, можно причинить, и не нарушая Уголовный кодекс — например, изменой, предательством, даже просто черствостью и равнодушием. Отсюда становится очевидным, что идеал свободы не автономен — он нуждается в нравственных коррективах. При отсутствии таковых он превращается в свою противоположность — человеконенавистничество.

Другой проблемой человечества является то, что вождьеленное состояние «свободы» в полной мере совершенно недостижимо. Даже самый могущественный на земле правитель знает, что есть вещи, которые не зависят от его желаний. Он может заставить тысячи людей строить башню высотой до небес, но не может прекратить моросящий осенний дождь. Еще древним философам и поэтам было известно, что многие миллионы людей, стремившиеся к свободе как произволу в исполнении желаний, ломали свои жизни, становились пленниками своих страстей. Поэтому наиболее распространённым среди древних мудрецов и Востока, и Запада был нравственный идеал человека, который не потакает своим желаниям, но владеет ими, не привязан к земным благам и спокойно реагирует на любые превратности судьбы. Античные философы называли такое состояние «бесстрастием».

Однако, философский идеал бесстрастия хотя и кажется привлекательным, но его никак нельзя назвать жизнеутверждающим. «Свободным я считаю того, кто ни на что не надеется и ничего не боится», — говорил древнегреческий философ **Демокрит**. В Буддизме рассуждают примерно таким же образом: если известно, что источником страданий являются неисполненные желания, то единственным способом избавления от страданий является полный отказ от всех желаний. Именно такова желаемая свобода античного философа или последовательного буддиста: ни к чему не стремиться, презирать всё, что в этой жизни может быть желанным и приятным.

Совершенно иной подход предлагает нам христианство. Смысл свободы раскрывается на страницах Священного Писания, в Книге, которая адресована всем людям без исключения. И выражается он предельно просто: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32).

Слова, обращенные Иисусом Христом к иудеям, которые считали себя избранным Богом народом и гордились своим превосходством над всеми прочими народами земли,

парадоксальны. «Мы... не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: сделаетесь свободными?» — вопрошали иудеи Христа (Ин. 8:33). «Если Сын Человеческий освободит вас, то истинно свободны будете» — таков был ответ Спасителя.

В чем парадокс? По словам Христа, несвободны абсолютно все. Даже те, кто считает себя избранными или, хотя бы, социально независимыми — тоже нуждаются в освобождении. И еще: Христос говорит, что освободить нас может только Он, истинный Бог — наших собственных сил для этого оказывается недостаточно.

Так в чем же все-таки смысл свободы для христианина? В поисках ответа на этот вопрос лучше всего идти по тому же пути, что и упомянутые ранее древние мыслители, т. е. постараться разобраться в том, каков глубинный источник человеческой несвободы. Например, античные философы-стоики считали, что ощущение несвободы является чисто субъективным состоянием того, кто недостаточно спокойно (бесстрастно) относится к окружающей действительности. Современный человек скажет, что несвободным его делают внешние условия — скажем, недостаток денег, физические болезни, несправедливые законы и т. п. Но христианство полагает, что источник несвободы глубже — он во внутренней, душевной порабощенности человека тому, что ему чуждо, противоестественно. Так как все люди имеют одно и то же — человеческое — естество, то и чужие, «нечеловеческие» действия и мысли — для всех одни и те же. Их в христианской традиции называют греховными страстями, а следование этим побуждениям — грехом.

В Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова сказано: «Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению» (Сир. 2.1). «Искушение не есть зло, но — добро. Оно хороших делает еще лучшими. Это — горнило для очищения золота, это — мельница для сотрения жестких зерен пшеницы. Это — огонь, истребляющий волчцы и терния, чтобы сделать землю способною к принятию добрых семян» — говорит нам **святитель Иоанн Златоуст**.

Увещевая каждого из нас, **Преподобный Антоний Великий** говорит: «Побеждающий страсти плотские, венчается нетлением. Если б не было страстей, не было бы ни добродетелей, ни венцов, даруемых от Бога людям достойным... Но когда человек с мудростью и рассуждением, хорошо повоевавши, одолеет и победит грех, тогда уже не бывает борим, но мирствует душою и увенчивается от Бога как победитель».

В свете этого становятся более понятными слова Христа: «всякий делающий грех есть раб греха» (Ин. 8:34). Почти каждому из нас приходится наблюдать случаи страшной порабощенности людей греховным «привычкам»: алкоголизм, наркомания и т. д. Очень многим знакомы порывы неадекватного, немотивированного гнева, в котором мы можем в одночасье разрушить отношения, выстраиваемые годами. Знакома, хотя бы по литературным примерам, безумная «любовная» страсть, когда по всему «положительный» человек оставляет свою семью, детей и бросается в омут случайного романа, оставаясь потом нередко «у разбитого корыта». Патологическая лживость, жадность, скупость и другие страсти влекут плененного ими человека к себе уже как бы помимо его воли. Такое рабство порой до того опутывает человека, что кажется для него почти нормальным состоянием. И эта внутренняя несвобода делает пустой и безрадостной свободу внешнюю — обладание большими финансовыми возможностями, властью и прочими земными благами.

Как-то **Александр Солженицын** заметил: «Мы увлеклись идеями свободы, но забыли, что самое мудрое измерение свободы — это дальновидное самоограничение».

Однако понимание необходимости духовной свободы и ее первичности, фактически, утрачено человечеством. **Апостол Петр**, обличая проповедников внешней свободы, «забывших» о свободе внутренней, писал: «Ибо, произнося надутое пустословие, они увлечены в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления, ибо, кто кем побежден, тот тому и раб» (2 Пет. 2:1819).

Согласно христианскому учению, греховные страсти не являются «чертами характера», т. к. не были изначально присущи человеческому естеству: они вошли в него после разрыва связи с Богом. Именно тогда вместо благодати Божией в жизнь человека вошло то, что присуще сопротивной, чуждой Богу воле. Воле того, кто в Священном Писании называется противником Божиим — сатаной. Совершая грех, человек попадает в рабство дьяволу, привыкая исполнять его желания.

Св. Макарий Великий выражает эту же мысль, таким образом: «природа человеческая способна к принятию добра и зла, божественной Благодати и противной силы, но принуждаема к тому быть не может. Без согласия воли человеческой Сам Бог ничего не производит в человеке по причине свободы, которую одарен человек».

Поэтому, как ни парадоксально, «рабство Богу» является мерой свободы человека. Раб Божий — это работник на Божьей ниве, строитель Божьего здания, устраивающий свою жизнь и помогающий устроить жизнь окружающих людей в соответствии с планом мудрого Архитектора. Это тот, кто не зависит от помрачающих и искажающих жизнь человека греховных страстей, кто способен всегда действовать в соответствии со своей богообразной природой. Тот, чья личность, на пути жизни по Евангелию, раскрывается в полную меру данных ей Богом дарований, а не замыкается в «футляре» эгоизма, самодовольства и равнодушия. Человек, стремящийся в своей жизни подражать Богу, который есть Любовь.

«К свободе призваны вы, братия, — говорит нам **апостол Павел**, — только бы свобода ваша не была поводом к угодению плоти, но любовью служите друг другу... Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вождельный плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти...» (Гал. 5:13-17). Дальше он заключает совершенно недвусмысленно: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух — от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6:7-8).

«Почему в самом устройстве человека не дано нам безгрешности, — спрашивает **Святитель Василий Великий**, и тут же отвечает, — потому же, почему и ты не тогда признаешь служителей исправными, когда держишь их связанными, но когда видишь, что они добровольно выполняют пред тобою свои обязанности. Возможность зла так первоначально необходима и естественна человеческой свободе, уничтожить эту возможность в человеке — значило бы то же, что пересоздать человека; точно так же, как теперь остановить в человеке возможность греха значило бы то же, что совершать над ним постоянное чудо».

Свобода, не «ограниченная» любовью страха Божия, ставшая над любовью, убийственна для человека. Она приводит к самым отрицательным последствиям, прежде всего, к духовной и нравственной деградации общества, к идейному анархизму, материализму, антикультуре.

Свобода легко превращается в инструмент лжи, пропаганды разврата, насилия, сатанизма и становится узаконенной свободой зла или произволом. Может ли она в таком качестве быть отнесена к категории Добра и именоваться «свободой», чтобы иметь право на существование в нормальном человеческом обществе? Разве не очевидно, что все права потому и именуются свободами, что они призваны освобождать общество и каждого человека от рабства эгоизма и произвола злых страстей, созидать и духовно совершенствовать его, а не развращать духовно и телесно, не убивать себя и себе подобных?

Святитель Василий Великий об этом говорит так: «В нашей свободной воле — или удержаться от порока, или быть порочным». По мнению святителя Тихона Задонского: «Человек, прежде чем грешить, стоит между двумя противоположными силами — Богом и сатаной — и имеет свободное произволение обратиться к тому или другому».

Подмена духовной свободы, свободой *похоти* — вот смертельная, угроза, реально нависшая над человечеством.

Этим и объясняется тот парадоксальный факт, что современная европейская цивилизация, имеющая единственную цель — земное благополучие человека, все очевиднее вводит народы в последний круг жизни. В конечном счете, все современные кризисы своим источником имеют именно абсолютизированную внешнюю свободу — свободу плоти, страстей, которая утратив понятие греха, неумолимо превращается в жестокого эксплуататора и человека, и природы. Там, где свобода ставится над любовью, кончается человек богоподобный.

Преподобный Марк Пустынник увещевает, напоминая нам: «Необходимо понимать, что нас заставляет делать грех причина, лежащая в нас самих. Следовательно, от нас самих зависит, слушать ли нам веления нашего духа и познавать их, идти ли нам путем плоти или путем духа... ибо в нашей воле делать что-либо или не делать».

Именно поэтому мы и должны нести ответственность за любой нравственный поступок. Робот или механизм, не обладая таким выбором, не могут грешить, так как действуют по заранее заданной им программе без возможности ее изменения. Если же мы, понимая греховность поступка, совершаем его или, понимая, что нужно делать добро и зная, что требует от нас Господь, не делаем этого, то здесь проявляется недостаток нашей воли. И тогда мы становимся рабами греха, поскольку делаем не то, что хотим, не то, что считаем разумным, а то, что не хотим делаем.

Без духовно-нравственного критерия нет реальной возможности положительно разрешить вопрос о свободах. Господствующий же в современном цивилизованном мире принцип: «свобода ради свободы», т. е. фактический примат свободы над любовью к Богу оказывается для человека сильнейшим наркотиком, который губит и которым губят все большее число людей. Вся совокупность прав, получаемая еще юным человеком просто по рождению, а не в силу его соответствующего воспитания, нравственной зрелости и моральной устойчивости, является одним из эффективных средств развития в нем сил стихийных, инстинктивных, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Не об этом ли говорит древняя греческая мудрость: «Все, что дается даром, способно развращать»?

Потому такая свобода легко продается за элементарный комфорт. Один из современных писателей справедливо сказал о нашем времени: «Повсюду в мире умирает свобода — политическая, экономическая и личная... Без свободы жить легче. Все больше людей охотно отдают свою свободу в обмен на удобную и спокойную жизнь. Не нужно принимать какие-либо решения. Меньше ответственности».

Свобода, в понимании В. Лосского, это «способность определять себя из самого себя», и «придает человеку отличающую его особенность: быть сотворенным по образу Божию, ту особенность, которую мы можем назвать личным его достоинством». Несомненно, по мысли отцов и учителей Церкви, грехопадение

извратило это первозданное достоинство, превратив свободу в произвол воли. «Непослушанием Богу, которое проявилось как творение воли диавола, первые люди добровольно отпали от Бога и прилепились к диаволу, ввели себя в грех и грех в себя и тем самым в основе нарушили весь моральный закон Божий, который является не чем иным, как волей Божией, требующей от человека одного — сознательного и добровольного послушания и вынужденной покорности». Свобода воли не была окончательно утрачена человеком, но вернуть ее в прежней чистоте он сам по себе не был уже способен. По этой причине, как говорит **преподобный Иоанн Дамаскин**, «Господь, пожалев собственное творение, добровольно принявшее страсть греха, словно посев вражий, воспринял болящее целиком, чтобы в целом исцелить: ибо «невосприимчивое не исцеляемо». А что воспринято, то и спасается. Что же пало и прежде пострадало, как не ум и его разумное стремление, то есть воление? Это, стало быть, и нуждалось в исцелении — ведь грех есть болезнь воли. Если Он не воспринял разумную и мыслящую душу и ее воление, то не уврачевал страдание человеческой природы — потому-то Он и воспринял воление». А благодаря такому восприятию Спасителем человеческой воли и для нас открылся путь к Царству Божию — путь узкий и тесный, но единственный. И Царство это — лишь для свободно избравших сей путь, и стяжается оно одним только подвигом высшей свободы, то есть добровольным подчинением воле Божией.

Для человека, по мысли отцов церкви, нет дара более желанного, прекрасного и драгоценного, чем дар свободы. Но нет и дара более обременительного, искушительного и страшного, чем она.

Святой Иоанн Дамаскин говорит, сотворенный Богом человек «имел возможность пребывать и преуспевать в добре... равно как и отвращаться от прекрасного и очутиться во зле по причине обладания свободною волею...». Святой Ефрем Сирин наставляя человечество, утверждает: «Бог создал человека свободным, почтив его умом и мудростью и положив пред очами его жизнь и смерть, так что если пожелает по свободе идти путем жизни, то будет жить вечно; если же по злему произволению пойдет путем смерти, то вечно будет мучиться».

Великая тайна человеческой свободы сокрыта в том, что Сын Божий умер на кресте, был унижен и растерзан. Этим бессилием и унижением Самого Бога была открыта миру тайна свободной любви, смысл творения... Если тайна греха в свободе, то тайна искупления и спасения — в свободе же, но в свободе, соединенной с божественной любовью.

Два тысячелетия тому назад в мир вошел Бог, чтобы освободить род человеческий от рабства греха и смерти. Творец вновь дарует человеку возможность обрести совершенную свободу. Так что же мы выберем: драгоценную жемчужину или останемся со своим ветхим наследством, которое обречено на расхищение и тление? Что мы выбираем — свободу или рабство? Христос вопрошает каждого, и каждый делает свой выбор.

Протоирей Сергей Кударенко

О фанатизме

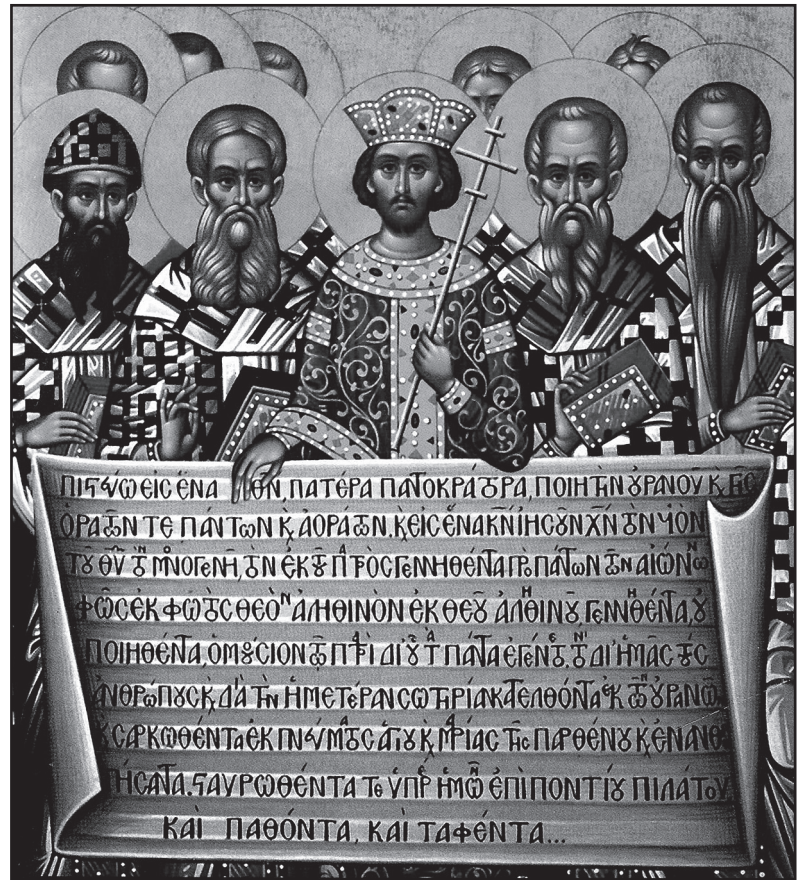
Человеческое слово — средство общения и самовыражения. Но в нашем лексиконе есть слова, которые уже не несут строго определенной смысловой нагрузки и скорее затемняют, чем проясняют суть дела. Некоторые из них стали ярлыками и кличками, которые стараются приклеить на тех, кто не согласен с каким-либо мнением или с чьей-то позицией. Одним из таких слов, смысл которого люди недостаточно ясно понимают, является столь модное ныне слово «фанатизм». Часто человека, стойкого в своих убеждениях, называют фанатиком только потому, что у него есть твердая мировоззренческая позиция, которую он не желает и нравственно не может менять. Вспомним то время, когда фанатиками называли вообще всех религиозных людей; когда верующего человека называли мракобесом, изувером и саму веру в Бога хотели представить результатом невежества, фанатизма или же лицемерия. И вот теперь, в настоящее время, слово «фанатизм» опять начинают употреблять для того, чтобы в какой-то степени очернить, дискредитировать человека, который имеет свои убеждения и не может менять их, как меняют перчатки, или как хамелеон меняет свой цвет в зависимости от окружающей среды. Поэтому нам надо разобраться, **что** есть фанатизм и **что** есть принципиальность.

Я понимаю фанатизм как духовную гордость, ориентирование на самого себя, убежденность не в истине, а исключительно в справедливости собственного мнения. Фанатизм — это дефицит и даже отсутствие любви к другим людям, фанатизм — это убеждение, как определенная поза, при отсутствии желания понять другого человека; фанатизм — это непробиваемая духовная оболочка, через которую человек неспособен увидеть ничего другого; фанатизм является в некотором смысле саморелигией. Кредо людей, исповедующих ее: «Мое мнение всегда правильно!»

Что же касается убежденности и принципиальности, то здесь — нечто другое. Человек, имеющий свои религиозные убеждения, способен объяснить и отстоять их; способен ответить на вопрос, почему именно они стали для него истиной и жизнью. Человек принципиальный, но не фанатичный, умеет указать на самую суть, самую основу своих убеждений. Не менять своих убеждений, не колебаться в них, не подменять истину пользой, то есть прагматизмом, — это вовсе не значит быть фанатиком. Лично я считаю, что в дальнейшей своей перспективе понятия «истина» и «польза» сливаются друг с другом. Истина не несет в себе внутренних противоречий, исповедующий ее никогда не посрамится, надеющийся на нее никогда не ошибется, не обманется. Человек же, подменяющий истину сиюминутной выгодой, никогда не достигнет высоких целей и результатов. Сиюминутная выгода, полученная за счет отступления от своих убеждений, через некоторое время может обратиться в трагедию. Эта эфемерная польза будет взорвана и разрушена самим потенциалом лжи и противоречий, заложенных в ней, потому что всякая ложь имеет центробежное направление. Всякая ложь сама в себе содержит элементы тления и распада. Истина же — целостна и нетленна.

Люди, внутренне равнодушные к религии и лишь номинально принадлежащие к христианству, видят в непоколебимой приверженности к святому Православию только фанатизм и нежелание посмотреть во круг и увидеть, что существует множество других религий. Они не представляют, что Православие можно избрать не только как **одну** из истин и даже не только как высшую из истин, но лишь как **единственную и универсальную** истину. Взгляд на Православие как на универсальную истину — единственный путь ко спасению и реальному Богообщению — неприемлем для этих безразличных к религии людей. Они видят в таком взгляде отрицание всей истории мировой культуры и мировой цивилизации. Но в таком случае надо посмотреть, как относились к Православию святые Отцы.

Все Отцы Церкви, все Вселенские и Поместные Соборы всегда учили, что истина одна, что нет плюрализма истин и релятивизма в области нравственности. Учение всех святых Отцов, почитаемых Православной Церковью, все соборные постановления, принятые как «конституция» Православной Церкви, основывались на принципе исключительной истинности Православия. Ни в одном соборном постановлении вы не сможете найти даже намек на то, что существует несколько истин и

что кроме Православия есть еще некие спасительные религии. Поэтому, если мы примем приверженность к Православию и убеждение, что только в нем осуществляется истинное спасение, за позицию фанатика, то, значит, и все постановления Вселенских и Поместных Соборов нам надо так же отнести к плодам фанатизма, потому что все они говорят о единой истине.

В постановлениях Вселенских и Поместных Соборов чувствуется особая тревога за чистоту веры, за чистоту Православия; видна необыкновенная чуткость святых Отцов к каждому уклонению от древнего церковного Предания, к самой опасности этого уклонения, которая может содержаться в какой-нибудь неверной или неточной формулировке. Мы знаем, как скрупулезно изучались на Вселенских Соборах все те материалы, на основании которых формулировались соборные правила, особенно догматические постановления и каноны. Иногда несогласия среди участников Соборов возникали из-за одного только слова, которое могло внести в определение двусмысленность.

Если мы считаем убежденность в том, что спасение только в Православии, фанатизмом, то постановления Вселенских Соборов должны рассматриваться нами как произведения людей, недостаточно просвещенных и не имеющих христианской любви; тогда мы вообще не должны считать для себя обязательными эти важнейшие соборные постановления. Но что же тогда останется от нашего Православия? Церковь не знает никакого «либерального» Православия. Церковь знает только одно Православие — то, которое доносит до нас букву и дух церковного Предания, идущего от Апостолов. Либерального Православия не существует. Теософского Православия — тоже. Религиозная «уравниловка», согласно которой все спасутся, во что бы они ни верили, лишь бы верили, ложна и неприемлема. Православие предполагает единственность, уникальность и вечность истины. Допущение множественности истин означает неверие ни в одну из них. Если мы будем подходить к убежденности как к фанатизму, а к индифферентности в убеждениях как к проявлению христианской любви, то к кому же мы тогда отнесем таких святых Отцов, как Киприан Карфагенский, который сказал: «Кому Церковь — не Мать, тому Бог — не Отец», — к людям, через которых говорил Дух Святой, или же к узколобым и злым фанатикам? К кому причислим святителя Николая Мирликийского, который проявил такую горячность во время спора с арианами? К тем, кто имел любовь к Иисусу Христу, подобную любви Апостолов, или же опять — к фанатикам, неспособным понять и принять чужое мнение? Мы не можем назвать ни одного из святых, ни одного из учителей и Отцов Церкви, кто говорил бы о плюрализме истин. Если же сих богоносных мужей называть фанатиками, то что же тогда означает само слово «фанатизм»?

Консерватизм — это не фанатизм. Слово «консерватизм» имеет не только отрицательное значение, как очень часто считают в миру. Консерватизм — это значит «сохранение». Православная Церковь — не эволюционирующая Церковь, в отличие от римско-католической. **Святое Православие утверждает, что эволюции в догматической области не существует, что святые Отцы и Вселенские Соборы раскрывали догматы, которые уже находились в первоначальном Откровении.** Ничего качественно нового они не внесли, а лишь только выявили, раскрыли и определили все то, что уже было. Теория эволюции имеет в своей основе принцип развития от простого к сложному, от примитивного и низшего — к более высокому. Принцип эволюции в догматической сфере всегда дает возможность предполагать, что в будущем могут появиться какие-то новые учения, догматы и откровения. Что же касается Православной Церкви, то она учит, что мы шли не от бедности, а от богатства. И все богатство дал нам уже Господь Иисус Христос в Своем Откровении. Все это первоначальное богатство было заложено в учении первенствующей Церкви. Святые Отцы и Вселенские Соборы проделали действительно титаническую, колоссальную работу. Но какую работу? Они сформулировали то, что находилось в Священном Предании и Священном Писании, воплотили догматические определения в безупречную словесную форму, не внося в них ничего нового. Эти идеальные формулировки имели огромное значение именно тогда, когда Церкви грозила опасность неправильного понимания тех или иных православно-церковных истин. И потому очень часто непосредственным поводом к созданию их становилось искаженное понимание Священного Предания и Священного Писания еретиками.

В христианское вероучение нельзя вносить никаких новых элементов, ибо Господь уже дал нам всю истину. **Господь дал нам некую, образно выражаясь, уплотненную энергию в самом начале Своего благовестия, и этой энергией Церковь питается на протяжении всей своей истории. Мы знаем не больше, чем знала Церковь тысячу лет тому назад.** И в те времена Церковь не знала больше, чем во времена Апостолов. Церковь всегда подобна самой себе. В Церкви нет приращений. В Церкви есть только одно — раскрытие: раскрытие символов, раскрытие образов. Само богословие — это рассказ о вечных догматах Церкви на языке, понятном для современного человека. Но богословие не может прийти к каким-то новым открытиям, как, скажем, физика или химия. Даже когда мы говорим о религиозной проблематике, то это не вполне точно. В Церкви нет и не может быть никакой религиозной проблематики. Могут возникнуть лишь определенные трудности при поиске точных словесных формулировок в процессе раскрытия уже известных церковных истин. **Церковные истины не определяются на уровне дискуссии или полемики. Церковные истины — это выявление учения Церкви, которое существовало всегда.** Например, в XIV веке были так называемые паламитские споры, говорили, будто Церковь приняла «новый» догмат о Божественном Существо и Божественных энергиях. Но если мы обратимся к патристике, то увидим, что «паламитами» до святого Григория Паламы были преподобные Макарий Великий, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит и многие другие, что это учение всегда существовало у Отцов Восточной Церкви. Уже святой Василий Великий учил о Божественных свойствах и Божественном Существо. В его книге «Против Евномия» мы находим учение о Божественной природе и Божественных именах. Святитель Григорий Палама сформулировал православное учение, которое было подтверждено на двух Константинопольских Соборах. Но это не было новым шагом или новой ступенью в развитии христианской догматики. Это было правильным богословским выявлением уже существующей и известной церковной истины.

Позиция, согласно которой нельзя соединить несоединимое, — ибо Православие обладает полнотой истины и не нуждается в приращении истины извне — не может рассматриваться как проявление личного фанатизма. Эта позиция подтверждается историей Церкви, примерами святых Отцов и постановлениями Вселенских и Поместных Соборов, которые Церковью не отменены и отменены быть не могут, иначе будет отменено само святое Православие. Другой вопрос, сохранилась ли в какой-то мере истина в инославии; какова степень искажения истины в тех или иных конфессиях? Апостол Павел говорит, что мы не судим внешних (1 Кор. 5, 12-13). И потому мне кажется, что для нас главным остается понимание: спасение **только в Православной Церкви.** Инославие и иноверие — это внешнее. Внешних судим не мы, а Бог.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Диалог Христа и Европы

Если бы история последних трех столетий, восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого, пожелала быть названной истинным именем, то не нашлось бы имени более подходящего, чем — «Протокол суда Европы и Христа». Ибо все значительные события в Европе последние три столетия были связаны с Господом Иисусом Христом.

На суде Христа и Европы в действительности происходит следующее:

Христос говорит Европе, что она крещена во имя Его и должна быть верна Ему и Его Евангелию. На это обвиняемая Европа отвечает:

— Все вероисповедания равны. Так сказали нам французские энциклопедисты, и никого нельзя принудить верить в то или иное. Европа проявляет терпимость ко всем вероисповеданиям, как к народным обычаям, ради соблюдения своих империалистических интересов, но сама не придерживается ни одного из них. А когда она достигнет своих политических целей, тогда она быстро рассчитается с этими народными празднотвериями.

На что Христос с грустью спрашивает:

— Как можете вы, люди, жить только империалистическими, то есть материалистическими интересами, то есть животной похотью только к телесной пище? Я хотел сделать вас богами и сынами Божиими, а вы спешите уравниваться с тягловым скотом.

На это Европа отвечает:

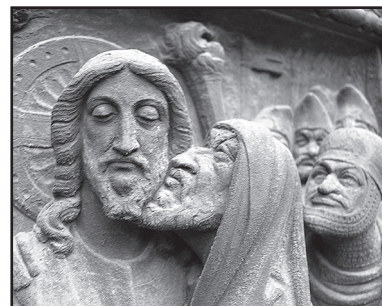
— Ты устарел. Вместо Твоего Евангелия мы нашли зоологию и биологию. Теперь мы знаем, что мы потомки орангутангов и горилл — обезьян, а не Твои и Твоего небесного Отца. Теперь мы совершенствуемся, чтобы стать богами, ибо не признаем других богов кроме себя.

Говорит в ответ Христос:

— Вы упрямее древних иудеев. Я поднял вас из тьмы варварства к небесному свету, а снова стремитесь во тьму, как бык в грязь. Я пролил за вас кровь. Я проявил Свою любовь к вам, когда все ангелы отвернулись от вас, ибо не могли выносить вашего адского смрада. Когда вы превратились в тьму и смрад, один Я встал за вас, чтобы осветить и очистить вас. Не будьте же неверными, потому что снова вернетесь в тот невыносимый смрад и тьму.

На что Европа насмешливо восклицает:

— Оставь нас. Мы не знаем тебя. Нам ближе эллинская философия и римская культура. Мы

хотим свободы. У нас есть университеты. Наука — наша путеводная звезда. Наш девиз — свобода, равенство, братство. Наш разум бог из богов. Ты — азиат, мы отрекаемся от Тебя. Ты лишь древняя легенда наших дедушек и бабушек.

Христос, со слезами на глазах говорит:

— Что ж Я уйду, но вы прозреете, отступили вы от Божьего пути и пошли по пути дьявола. Благословение и радость отнимаются у вас. В Моей руке ваша жизнь и ваша смерть, ибо Я дал Себя на распятие за вас. И все же не Я буду наказывать вас, а ваши грехи и ваше отпадение от Меня, Спасителя вашего. Я показал любовь Отца ко всем людям и хотел всех вас спасти любовью.

А Европа на это:

— Какая любовь? Трезвость и мужественная ненависть ко всем, кто не согласен с нами — вот наша программа. Твоя любовь всего лишь басня. Вместо этой басни мы предпочли — национализм и интернационализм, эстетизм и прогрессизм, эволюционизм, сайентизм и культуризм. В них наше спасение, а Ты прочь от нас!

Братья мои, в наши дни процесс завершен. Христос удалился из Европы, как когда-то из Гадары, но настоянию гадаринцев. Но как только Он удалился, начались войны, беды, ужас, разрушения, уничтожение. В Европу вернулось дохристианское варварство — аварское, гуннское, лонгобардское, африканское, только в своем стократном кошмаре. Христос взял свой крест и благословение и удалился. Остались тьма и смрад. А вы, решайте, с кем быть — с темной и смрадной Европой или со Христом. Аминь.

Св. Николай Сербский

Роли мужчины и женщины в браке

В октябре в молодежном центре Свято-Троицкого собора состоялось несколько бесед о роли мужчины и женщины в семье. В ходе разговора стало очевидно, что и в воцерковленной православной среде отношение к этим вопросам у ребят весьма неоднозначное. Большинство придерживались мнения, что в современном мире не существует строго мужских и женских обязанностей и профессий. А значит, каждый в семье должен делать то, что у него лучше получается, заниматься тем, к чему у него есть склонность.

Согласно Святому писанию: женщина равна мужчине по достоинству, но не одинакова с ним по части своего своеобразия. Иван Александрович Ильин по этому поводу писал: «Женщина не ко всякой профессии пригодна, не ко всякому месту, не ко всякой должности. Это означает, что технически и механически она способна на гораздо большее, нежели может органически и духовно. Все, что искажает в ней женскую сущность, все, что отнимает у неё дар быть источником любви и материнства — ложно. Все, что нивелирует её, делает бездушной, неженственной, циничной; все жёсткое, сухое, грубое, индифферентное, лишённое традиций, рассудочное, механистичное — противно её природе, опасно и вредно. Все сверхпрозаичное, сверхтрезвое, ставшее жизненной установкой женщины, вредит ей, постепенно лишая её вечно-женственного. Женщина — не солдат, не матрос, не полицейский и не биржевой маклер. Не для политики она рождена, не для трона, не для митингов толпы: ей предстоят более изящные дела; ей надобно прислушиваться к более восточным голосам, созерцать более благородные сферы. И способна к этому она будет куда лучше, если будет внимать не внешним обстоятельствам, а своим внутренним наклонностям как женщины. Для женщины ни счастья, ни мудрости нет, если она не хранит верность сокровенной своей сути. Она все может, но это ей ни к чему. Женщина обладает от природы неотъемлемыми привилегиями. Она может то, чего мужчина не может, а потому ей не следует претендовать на мужскую роль. Каждый делает по возможности лучшее, в своей ипостаси, поэтому лозунг «всем разрешается делать все, на что они способны», противен природе и диктуется завистью».

Значит, нам женщинам, стоит быть все-таки повнимательнее и отказываться от всего, что нас обезличивает и обесценивает как женщин.

В 11 главе послания ап. Павла говорится: «Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене — глава муж, а Христу — глава Бог». Эти слова Св. Писания о иерархичности брака.

Протоиерей Андрей Ткачев в одной из своих передач говорил о благоловенном неравенстве мужа и жены в браке: «Что в мире не иерархично? Иерархия — совершенно естественное явление в мире людей. В мире людей нет равенства. Иллюзия равенства — солдатское кладбище, где даже нет табличек с именами. Хотя хозяики тел погибших — их души, тоже включены в иерархию: кто-то ближе к царствию небесному, кто-то дальше... Опять иерархия. Везде, где есть люди, там есть неравенство. И это хорошо. Неравенство дает место таким вещам, как послушание. Кто бы кого слушался, если бы все были равны? Нет послушания, потому что нет согласия с идеей неравенства. Нужно согласиться, что все люди неравны: по таланту, по происхождению, по образованию, по росту, по физической силе, по красоте, по способностям, по чему хочешь...»

Неравен в брак. Неравенство дает место послушанию и призывает любовь. Там, где есть любовь, там неравенство стирается. Где нет любви, там неравенство превращается в проклятие и там люди отчаянно желают

справедливости и равноправия, как они его понимают...

Неравенство зовет к себе любовь, чтобы сгладить неравенство. Поэтому и заповедано мужьям, чтобы они любили своих жен, чтобы женам было легче смиряться под их властью. Неравенство в браке, смягченное любовью, благословенно».

Из этого следует, что там, где нет любви, где люди не умеют доверять себе и ближнему, возникает потребность все излишнее рационализировать, подчинить линейной логике, уравнивать. А ведь смысл как раз в том, чтобы «в семье человек учился от природы — любить, из любви и от любви страдать, терпеть и жертвовать, забывать о себе и служить тем, кто ему ближе всего и милее всего. Все это есть не что иное, как христианская любовь. Поэтому семья оказывается как бы естественной школой христианской любви, школой творческого самопожертвования». Я ни в коей мере не призываю отключить мозг и начать жить исключительно чувствами. Я, опять-таки, за иерархию. Но настоящая мудрость — она ведь тоже родом из сердца. Недаром говорят: «ум всегда в дураках у сердца».

Еще одно наблюдение: во время наших бесед в Молодежном Центре, используя одни и те же слова и понятия, мы вкладывали в них разный смысл. Во время разговора о женских и мужских качествах, ребята совершенно по-разному реагировали на, казалось бы, простые вещи. Например, при словосочетании нежная, хрупкая, незащищенная женщина (женщина, которую мужчине хочется оберегать и защищать), у некоторых возникает ощущение елейности, притворства, игры «в женственность», и вместе с тем — предательства внутренней силы, глубины и потенциала. Образ же супруга и главы семьи — часто ассоциируется с тираном и домашним деспотом. Это говорит о том, что в современном обществе большой редкостью стали мужественные мужчины и женственные женщины и образы их здорово искажены. Но зато вполне преуспели по части подмены этих самых образов СМИ: сериалы, фильмы, телепередачи наделяют своих героев как раз противоположными качествами. Как-то мне предложили написать киносценарий, главный герой которого

должен быть эгоцентричным и нервным сумасбродом, но при этом весьма обаятельным мужчиной. Вот посмотрит какая-нибудь девица-красавица полдюжины подобных фильмов, и сложился у нее соответствующий образ «настоящего героя».

Недавно в статье одного светского психолога-мужчины прочла такую мысль: «Муж — тот, кто ведет женщину по жизни. А главная обязанность жены — освещать путь мужчине, быть путеводной звездой. Мудрость разумного сотрудничества — он идет туда, куда она ему светит». Нескольким наивное, но, по сути, точное высказывание, предполагающее отличие, любовь и доверие между мужчиной и женщиной.

Обладает ли женщина мужеством и волей? Безусловно, да. Женщина тоже обладает мужеством, тем мужеством, которое необходимо для совершения добра при любых внешних обстоятельствах. И его у женщин больше, чем у мужчин. Мужчина превосходит женщину в мужестве деятельном. Мужчина скорее сумеет покончить с чем-нибудь, а у женщины больше мужества вытерпеть — терпеливо перенести, выстоять. Мужчина смелее, но женщина сострадательно выносилее мужчин. Воля женщины проявляется, в первую очередь, во властвовании над своими страстями.

Протоиерей Димитрий Соколов пишет: «Иногда задают вопрос: равняются ли способности женщины способностям мужчины? Они ни равны, ни неравны; характер их другой, премудро приспособленный к другой цели. Нам могут указать на случаи в жизни обыкновенных женщин, которые обязывают её выполнять дело мужчин. Нам могут указать в священной истории примеры деятельности женщины, выходящей из круга её обыкновенных занятий, когда эта деятельность была указана даже Самим Богом. Но, повторяем — это только исключения. Что же касается до круга деятельности, определяемого пределами семейной жизни, круга, тесного по пространству, но обширного по своему влиянию, то здесь её способности выше способностей мужчины, а точнее — она имеет такие способности, каких мужчина не имеет. Здесь она является полной госпожой; здесь обширное

Как молиться во время литургии

Чтобы легче и нерассеянное стоять литургию, старайся так молиться: во время **чтения часов** поминай усопших и живых. Это поминовение вознесется с поминовением священнослужителя к небу и даст великую отраду душам поминаемых. Здесь не играет роли, поминаешь в алтаре около жертвенника, у двери в алтарь или в церкви — Господь всюду услышит.

Когда начинается литургия словами: **«Благословенно Царство...»**, помолись о том, чтобы Господь сподобил и тебя Царствия небесного. Во время **первой мирной ектении** помолись, чтобы дал тебе Господь мир Свой на сегодняшний день. Ничто так благотворно не действует на душу, как мирное состояние, и врагу спасения особенно оно досадительно. Ему всячески хочется нарушить его, вывести человека из мирного устройства, внести ссоры, раздражение, злобу, досаду, ропот. Оттого, молясь о ниспослании мира на душу, чувствуй себя как на дощечке среди бушующих волн, почувствуй свою беспомощность и проси помощи от Господа.

Когда поют **антифоны**, священнослужитель читает молитвы о сохранении Церкви, и ты помолись о том же, а также, чтобы Господь избавил город, в котором ты живешь, он неверия, ереси, разделения.

Пред **малым входом** читает священник молитву: *«Сотвори со входом нашим входу святых Ангелов быти, сослужащих нам»*. В это время наполняет Церковь бесчисленное множество Ангелов. И ты помолись своему Ангелу-хранителю, чтобы он встал около тебя и помолился с тобой: *Святыи Ангел-хранитель, помилуй меня и посети меня в сей час и помолись со мною и за меня*.

Во время чтения **апостольского послания и Евангелия** невидимо для нас возжигаются Ангелами бесконечное множество свечей. Священнослужитель читает молитву: *«Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Владыка, Твоего богоразумия нетленный свет, и мысленныя наша отверзи очи, во евангельских Твоих проповеданий разумение»*. В это время помолись, чтобы и тебе послал Господь Свой Божественный свет, и воссиял бы он в сердце твоём.

Следующая **ектения сугубая**, когда на каждое прошение лик поет *«Господи помилуй...»* трижды. Эта ектения представляет всю земную жизнь Господа, когда за Ним шли толпы народа с воплями: *«Помилуй нас!»* Проведи перед глазами всех: и хананеянку, и слепца, и прокаженного. Всею душою припав к Господу, почувствуй себя прокаженной, и бесноватой, и слепой. Уцепись мысленно за края ризы Господа и умоляй о помиловании, хорошо повергнуться ниц перед иконой. Возглас после ектении дает надежду, что услышит Господь твой вопль по великой милости Своей: *«яко милостив и Человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу...»*

Во время **ектении об оглашенных** помолись о неверующих. Может быть, есть у тебя родные или знакомые неверующие. Помолись, чтобы Господь смилостивился над ними и просветил души их светом веры. Затем поблагодари Господа за то, что ты сам лишь по Его промыслу находишься в числе верных. **Херувимская песнь** есть моление Господа в Гефсиманском саду. Здесь проводи перед собою весь Гефсиманский подвиг Господа, Его молитву до пота кровавого, Его страдания за грехи людей. Вспомни, что и ты прошел перед глазами Господа со всеми твоими падениями и грехами.

Почувствуй, что и за тебя перестрадал Господь в ту ночь. Особенно сознай полное свое недостойнство, чем ты платишь Господу за то, что Он тебе сделал, и проси Его о помиловании. Как Господь был послушен воле Отца Своего, так и ты вручи себя в волю Господа и решишь терпеливо нести посланный тебе крест.

Во время **великого входа**, изображающего распятие Господа, проси Его и тебя помянуть в Царствии небесном. При **возгласе «Мир всем!»**, изображающем вход Господа в ад для спасения почивших и находившихся там до Его пришествия, помолись так: *Вниди, Господи, в ад души моей и спаси мя*. Когда слышишь **возглас «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы»**, помолись, чтобы Господь вложил в тебя светлую любовь и дал любить всех, особенно тех, кого ты не любишь или обижаешь, и тех, кто тебя обижает и не любит. На **возгласе «Станем добре, станем со страхом...»** — помолись, чтобы вложил в тебя Господь страх Свой, чтобы всегда помнить присутствие Господа.

При **возгласе «Благодарим Господа...»** — особенно благодари. В это время священнослужитель читает молитву, которая вспоминает все благодеяния Господа людям, благодарит за них и за совершаемую литургию. И каждый обязан за это благодарить, и в частности за то, что Господь дал лично ему, какими милостями осыпал.

Во **время «Тебе поем»** надо вспомнить грехи свои особенно тяжкие и просить прощения за них у Господа.

Если так простоишь литургию со всем вниманием и усердием, то непременно получишь пользу.

Святитель Серафим Дмитровский

➡ *поприще, на котором она может показать все силы своей души, не поражающие блеском, а пленяющие своим нежным характером, своей женственностью. Это искусство проникать в сердца путями неизвестными, непроходимыми для мужчин. Это ежеминутное, так сказать, присутствие везде, если не телом, то душой; эта бдительность, насколько строгая, настолько и неприметная; эти многочисленные пружины домашнего управления, которые всегда под рукой; эта постоянная доступность на всякий зов и постоянное выслушивание всех, эта свобода действий и мысли среди горестей и скопившихся затруднений; этот врожденный такт, эта аккуратность в исполнении даже мелочей; эта склонность сочувствовать несчастью каждого, ободрять утомленного душой, пробуждать заснувшую совесть, открывать сердце, долго замкнутое».*

Большинство представителей прекрасного пола молодежного центра высказали резонную мысль: да мы с радостью станем слабыми, нежными и даже смиренными, только где же ОНИ — эти сильные, мужественные и решительные мужчины! Ох... Так и ждут барышни всю свою жизнь настоящих мужчин. А в это самое время, мужчины ждут не дождутся женщин — нежных, кротких, уступчивых, смиренных, сильных в своей способности быть слабыми. Потому что когда появляется рядом такая женщина, каждый мужчина, как чудовище из сказки «Аленький цветочек», превращается постепенно в царевича, то есть в самого настоящего мужчину.

Наш век это время слабых мужчин и сильных женщин. Стоим мы друг против друга и ждем: кто же первым начнет переплавлять самого себя: из слабого — в сильного, из сильной — в слабую.

Здесь нам, женщинам, важно понять одну вещь: не нужно ждать, когда мужчина сумеет стать первой скрипкой в семейном оркестре, нам просто нужно научиться, при любых обстоятельствах, играть партию второй скрипки. Давайте попробует, прямо с этого дня: каждая женщина в семье — только вторая скрипка. Ведь недостаточно нам лишь знать свои роли, нужно должным образом научиться их исполнять. Мы ведь, правда, нуждаемся в мужниной защите, а подчиниться — как раз и означает отдать себя под защиту другого.

Священник Павел Гумеров советует: *«Каждому мужчине нужно понять раз и навсегда: в браке не должно быть борьбы за лидерство. «Мой дом — моя крепость», а не поле боя. Поэтому, даже зная, что главой семьи должен являться муж, не нужно это никому доказывать силовым путем, то есть путем семейных баталий и выяснения*

отношений. Крик, ссора, скандал и капризы — оружие людей слабых, и очень часто к нему прибегают именно женщины. Мужчинам не пристало скандалить. Единственный способ показать, кто в доме хозяин, — начать совершать настоящие мужские поступки. Ведь мужчина женится, а женщина выходит за мужа, то есть муж должен быть стеной, защищающей жену и детей от житейских бурь и невзгод».

Подведем итоги: не смотря на веяние времени, в глубине души и мужчины и женщины стремятся к тому же, что и 300 и 2000 лет тому назад — просто быть самими собой. И мужчине, и женщине от Бога отведены в семейной жизни свои особые роли. Осталось только изменить свое отношение к расстановке сил в семье, вернуться к Евангельским истокам. И это труд каждого из нас.

Татьяна Зелинская

Воплощение и смирение

При современном охлаждении церковного общества к храму Божию едва ли многие в полной мере чувствуют, как Церковь празднует воспоминания «Воплощения Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Разве одна только особенность еще не забыта: ирмосы «Христос рождается...» начинают петь в Церкви более чем за месяц до самого праздника. А ведь Церковь целые недели посвящает приготовлению к празднику. В приходских храмах приближение великого праздника мало заметно, потому что устав церковный там потерял всю свою прелесть, свое глубокомысленное богословие; праздник там наступает почти сразу. Не говорю уже о том, что в жизни мирян приближение праздника сказывается лишь в умножении хозяйственных забот и хлопот. Подлинную стихию церковной жизни теперь можно уловить почти в одних только монастырях, особенно в лаврах, где не пропускается ни одного канона, ни одной стихиры, но эти песни церковные громкогласно (например, в Киевской лавре) оглашают своды храмов и наполняют своим содержанием сознание всех присутствующих. Поэтому сознание верующих там отрывается от земли не на один день или не на несколько лишь часов, как в храмах приходских, нет, оно отрывается от земли еще задолго до праздника и держится на высоте духовного подъема, духовного восторга почти целую неделю. Только Светлое Христово Воскресение Церковь празднует не менее светло. Но в некотором отношении рождественская служба даже превосходит пасхальную, а если и не превосходит, то носит все же совершенно особенный характер. Пасхальная служба — это одна торжественная, радостная, ликующая песнь Церкви Воскресшему Господу. Рождественская служба — особенная стихия богословия. Во всем круге церковно-богослужбных книг нельзя указать более обильной догматическим содержанием службы, чем именно служба рождественская. Здесь в кратких, но сильных выражениях заключена основная идея христианства — обновление тленного естества человеческого воплощением Сына Божия.

Вот, например, бесподобный ирмос канона на повечерии в день предпразднства, неведомый, к сожалению, храмам приходским:

*«Не дивися ныне, о Мати, видящи яко Младенца,
Его же из чрева прежде денницы роди Отец: возставити
бо и прославити человеческое падшее естество приидох
явственно, верою и любовью Тя величающее».*

Как в этих кратких словах, так и во всей рождественской службе раскрывается именно указанная основная идея христианства, из которой должно выходить все христианское богословие. В нашем школьном схоластическом богословии этой великой идее воплощения для восстановления падшего человеческого естества не отведено подобающего ей места, но в богословии величайших отцов и учителей Церкви эта именно идея лежала в основе всего. Смотрите, например, слово святителя **Афанасия Великого** «О воплощении Бога Слова и о пришествии Его к нам во плоти». Этой идеей жила древняя Церковь более напряженно, нежели Церковь нашего времени. За эту идею она боролась, за нее страдала, грозными анафемами поражая изменников.

Но в современном религиозном сознании эта идея отходит от своего царского места, а порою эта основная идея истинного религиозного сознания пропадает совершенно. Многие ли могут сказать теперь с **Василием Великим**: не могу поклоняться твари, потому что я сам имею повеление стать богом! Отрицание воплощения, отрицание Божественного достоинства Господа Иисуса Христа немислимо в члене Церкви, и всякий отрицатель, конечно, уже тем самым отпал от Церкви. Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это антихрист, отвергающий Отца и Сына (1 Ин. 2, 22). Эти слова первого богослова, возлежавшего на персях воплотившегося Сына Божия, нужно бы как можно чаще повторять в настоящее время, когда люди так много говорят о Евангелии, об учении Христа, но не хотят знать в Нем воплотившегося Единородного Сына Божия. О Христе говорят как о великом человеке, о великом учителе и думают, что этого вполне достаточно.

Прислушиваясь к биению современного религиозного пульса, невольно замечаешь, что в этом смысле антихрист воцаряется в религиозном сознании. На камень, лежащий в основании Церкви, за последнее время устремились высокие волны идей научных. Звезда Востока ведет науку от Вифлеема. Сравнительное изучение восточных религий завершается не чем иным, как именно отрицанием воплощения Сына Божия.

У Кесарии Филипповой Христос спрашивал учеников Своих: *За кого люди почитают... Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16, 13-16). Вопрос был дан о достоинстве Мессии, Спасителя мира. В ответе учеников устами Петра дана вся христология Церкви. Спаситель мира есть воплотившийся Единородный Сын Божий. Эта христология была новой. Плоть и кровь иудейского религиозного сознания не могла открыть истины воплощения. Но за кого почитаете Иисуса Христа вы, представители современного сравнительного изучения религий? О, за кого угодно, только не за воплотившегося Сына Божия. Он — Будда, Он — Мардук, Аттис, Адонис, Он — Митра, бог волхвов, Он — один из восточных богов, Он — кто хотите, только не Сын Бога Живого. Не Христос создал христианство, но христианство создало Христа. Доказывается, ни мало ни много то, что Иисуса Христа никогда на земле и не было. Иисус, это — лишь олицетворенный восточный миф.

Почему же такое отношение к воплощению Сына Божия? Думается, что корни этого отношения глубоко заложены в нравственном самосознании современного человека. Это самосознание прежде всего гордо. А что значит веровать в воплощение? Это значит прежде всего исповедать, что раньше естество человеческое было добро зело. Таким вышло из рук Творца. Человеческая свобода принесла грех, расстройство в естество, началась «междоусобная брань в человеческом естестве», как пишет один святой отец. Злоупотреблением своей свободы человек так развратил свое естество, что ему остается воскликнуть: *окаянен я, бедный я человек! Не могу сам себя спасти. Нужно нам новое творение, нужно влитие новых благодатных сил. Это именно должно сказать все человечество, чтобы веровать в воплотившегося Сына Божия. Такое смиренное сознание, такое смиренное исповедание своей немощи, своей вины пред делом руки Божией — в духе ли оно современного человека? Но ведь современное сознание пропитано идеей эволюции, идеей прогресса, то есть той самой идеей, которая как раз может питать гордость человеческую. Христианство требует смиренного сознания. Был совершенный Адам, мой прародитель, а я, человечество, внесло лишь грех и тление. К смирению зовет Церковь, когда называет предком нашим Адама. Но эволюция? Но происхождение от обезьяны? Как ни скромно оценивать себя, но все же нельзя не подумать с некоторой гордостью: все же я не обезьяна, все же во мне прогресс реализовался. Так, эволюция, называя нашим предком обезьяну, питает человеческую гордость. Если равнять себя с обезьяной, можно гордиться прогрессом, но если подумать о безгрешном Адаме, внешний прогресс потеряет цену. Прогресс внешний, но и утончение греха в одно и то же время. Если человечество поступательно идет вперед, то мы можем надеяться на себя. Мы сами себя создаем. А Церковь как раз говорит обратное. «Мы не могли бы сделаться нетленными и бессмертными, если бы Нетленный и Бессмертный не стал прежде тем, что и мы». Веровать в воплощение это значит исповедовать, что без Бога все человечество — ничто.*

Церковь через века несет идеал обожения. Этот идеал очень высок, но он многого требует от человека, он немислим без воплощения, он заставляет человека прежде всего смириться. Человечество отрекается от этого высокого идеала и ему не нужно воплощение Сына Божия. Бесконечно приниженный идеал жизни позволяет человеку говорить о прогрессе, дает возможность гордиться своими успехами. Эти именно два ряда идей составляют два мирозерцания: церковное и нецерковное. Церковное — происхождение от совершенного Адама, падение, необходимость воплощения — смирение. Нецерковное — происхождение от обезьяны, прогресс, ненужность и отрицание воплощения — гордость. Признание воплощения неразрывно связано со смирением. Гордость борется с воплощением, как с ненужным.

Участвуя в торжественном церковном праздновании Христова Рождества, мы должны воскликнуть:

Смирись, гордый человек, и веруй в воплощение Единородного Сына Божия!

Священномученик Илларион (Троицкий)

Гражданская война

В тот день мы были вместе. За нашим постоянным столом сидело много людей, и все слушали незнакомого, но с очень хорошей репутацией пожилого господина. Вероятно, это был англичанин. Благородное, немного усталое лицо с умными, пылающими глазами, с упрямым подбородком и двумя большими шрамами на лбу. Он много пережил, лично участвовал в трех гражданских войнах в чужих странах, говорил довольно медленно, с внутренней силой, короткими, в форме афоризмов, фразами. Мне удалось записать немного из сказанного им, что я воспроизвожу сейчас из своей записной книжки.

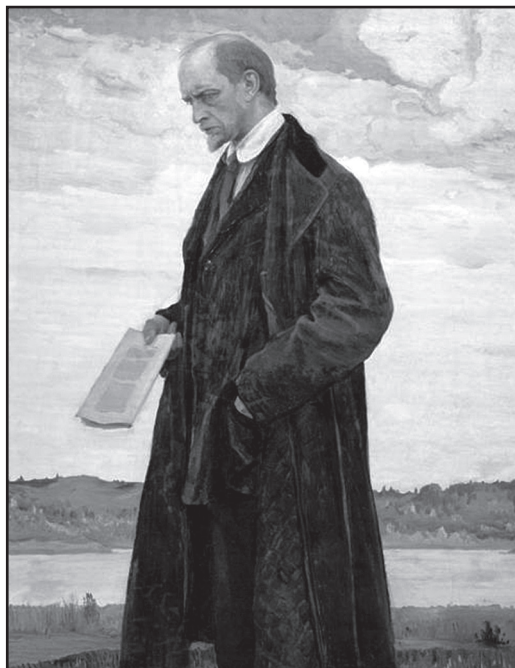
«Гражданская война — это взрыв ненависти, за которым следует всеобщий пожар. Часто оставляют без внимания, как и где накапливается эта ненависть в стране; тогда создается видимость, что разразилась буря среди ясного дня. В действительности же ненависть и травля давно уже были налицо. Классовая борьба — это ведь замаскированная гражданская война; а гражданская война — не что иное, как открытая и беспощадная классовая борьба.

Гражданская война подобна эпидемии; это — психоз ненависти, распространяющийся все дальше и захватывающий все новые слои общества. Чтобы верно понять этот психоз, нужно вернуться в средние века, во времена страшных народных болезней, чумы, пляски святого Вита и т. д. Создается впечатление, что люди так заражают друг друга ненавистью и жадной мести, что все нравственные тормоза и общественные устои постепенно парализуются или вовсе отбрасываются. Тогда торжествует злая воля. Никто более не думает о примирении. Товарищ из народа более не является таковым. Враг в интернациональной войне никогда не устаивается такой ненависти, как враг-земляк в гражданской войне. Нигде так не борются за уничтожение врага, как здесь, где пленных часто уничтожают, где нередко встретишь людей, которые похваляются количеством убитых врагов-сограждан.

Гражданская война подобна землетрясению: все колеблется, все рушится, с тою только разницей, что люди сами вызывают это нескончаемое землетрясение и бушуют в нем. Как сказал великий философ Гоббс, человек человеку становится волком. О порядке и безопасности нет больше и речи. Исчезает взаимное доверие. Все стремятся принять иное обличье и скрыть свои истинные симпатии. Все настроены на двойную мимирию, полуоткровенно славословя то одного, то другого временщика. Враг везде; и донос отовсюду угрожает. Тебя везде подслушивают, тебе завидуют, ненавидят и угрожают. Пробуждаются наихудшие страсти; объявляется забытая неприязнь и стремится излиться наружу. Это — время всеобщего предательства и грубого сведения счетов.

Это также время всеобщей потери нравственности. Законы молчат или непрестанно меняются. Правовое сознание не успевает за ними и сдается. Никто не знает, что правомерно, что должно, что разрешено, а что не

разрешено. Уголовники открыто выступают и беспрепятственно бесчинствуют. Они стремятся присоединиться к обоим фронтам, что им и удается; они проникают повсюду и увлекают нравственно слабым. Поэтому это время малого и большого авантюризма. Этим людей, авантюристов гражданской войны, надо было наблюдать непосредственно, лично, чтобы понять их природу: честолюбивые и алчущие власти, совершенно лишенные корней, деморализованные, они делают из гражданской

войны профессию; бедность собственного народа им ни о чем не говорит; всеобщую разруху страны они даже не замечают; разрушение национальной культуры им безразлично. Это безродные карьеристы, которые привыкают купаться в крови и которым все равно, где добывать деньги.

Так страна, в которой идет гражданская война, сдается, как от налета саранчи, и разрушается, как от землетрясения. И чем плотнее населена страна, тем свирепее бушует гражданская война. Только беспощадное наступление обещает здесь победу... Наступление? Против кого? Против собственных соплеменников... Против соблазненных, спровоцированных, ослепленных сограждан...

Вряд ли существует большее злодейство против своего Отечества, чем развязывание гражданской войны. А кто не хочет учиться на чужом примере, тот пусть хотя бы представит, какую личную ответственность он будет нести. Здесь существуют три упреждающие задачи: нельзя допускать, чтобы в народе накапливалась социальная ненависть; нельзя, чтобы она перерастала в отчаяние; нельзя, чтобы отчаяние приводило к развязыванию гражданской войны. Не стоит ли считать счастливой ту страну, в которой верно решены эти задачи?...

С тех пор прошло уже шесть лет, а мне все слышится голос оратора и полная тишина, наступившая после речей англичанина. Спорить не хотелось, и мы разошлись, погруженные каждый в свои мысли.

Иван Александрович Ильин (28.03.1883, Москва — 21.12.1954, Цолликон, Швейцария) — выдающийся русский мыслитель, правовед, политолог. Автор более 40 книг и 300 статей на русском и немецком языках. Закончил (1906) юридический факультет Московского Императорского университета. Privat-доцент (1909) кафедры истории права и энциклопедии права. Доктор государственных наук (1918) — диссертация «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека».

В 1922 году Ильин был арестован в шестой раз, допрошен, немедленно судим и приговорен к смертной казни, замененной высылкой. Президиум ВЦИК постановил лишить Ильина гражданства и конфисковать все его имущество. Путь на родину был закрыт навсегда. Хотя высылка за границу и была лучшим выходом, поскольку спасла Ильина от неминуемой гибели, его душа навсегда осталась с Россией. В ноябре 1922 года он писал П. Б. Струве: «Я жил там, на родине, совсем не потому, что «нельзя было выехать», а потому, что Наталия Николаевна (жена И. А. Ильина — А. Р.) и я считали это единственно верным, духовно необходимым, хотя и очень опасным для жизни. Мы бы сами и теперь не уехали бы; ибо Россия в своем основном массиве — там; там она болеет, там же находит и найдет пути к исцелению. От постели больной матери... не уезжают; разве только — оторванные и выброшенные».

Находясь в эмиграции с 1923 по 1934 год, И. А. Ильин был профессором Русского Научного Института в Берлине. В 1926 году он активно участвовал в деятельности Российского Зарубежного съезда. В 1925-1926 гг. выходил в редакцию парижской газеты «Возрождение», с 1927 по 1930 год издавал «Русский Колокол. Журнал волевой идеи», целью которого было объявлено «служение самобытной и великой России». И. А. Ильин читал лекции в ряде европейских университетов, продемонстрировав способности замечательного оратора.

После прихода к власти нацистов Ильин в 1934 году был уволен из Русского Научного Института. Через два года последовал запрет на его преподавательскую деятельность, ему так же было запрещено печатать свои работы. Оставшись без средств к существованию, под угрозой ареста и заключения в концлагерь, Ильин был вынужден в 1938 году эмигрировать в Швейцарию. Последние годы он жил в Цолликоне, в окрестностях Цюриха, где и скончался 21 декабря 1954 года. В число основных работ И. А. Ильина входят: «Религиозный смысл философии. Три речи» (1924), «О сопротивлении злу силою» (1925), «Пути духовного обновления» (1935), «Аксиомы религиозного опыта» (в 2-х томах, 1953), «Путь к очевидности» (1957), «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» (1958). Особое место в творчестве И. А. Ильина занимает цикл статей «Наши задачи», которые представляли собой ряд периодических бюллетеней «Русского Обще-Воинского Союза», рассылавшихся по списку небольшому кругу единомышленников. Только в 1956 году 215 выпусков этих бюллетеней были объединены в двухтомник и изданы в Париже Русским Обще-Воинским Союзом.

«Жил, ибо Ты создал. Умер, ибо Ты призвал»

«Царство Небесное подобно жемчужине, найдя которую, человек оставляет всё, чтобы приобрести её». В порыве горячей любви к Своему Спасителю и Господу многие люди оставляют мир, славу и богатство, чтобы всегда неразлучно пребывать с Богом. Ради Господа и спасения души, они терпят многие невзгоды и лишения, зная, что единственное их сокровище — на небесах. Нередко таких своих избранников Господь наделяет чудесными дарами — исцеления, прозорливости, утешения. Чтобы избежать человеческой славы, они принимали на себя внешний вид безумия, посрамляя суетную гордыню этого мятежного мира. Именно такой подвиг юродства принял на себя Иоанн Петрович Жуковский.

Блаженный старец Иоанн происходил из священнического сословия. Родился он в 1890 году. Отец его был псаломщиком Вознесенского храма в селе Нерубайском под Одессой. В разное время он и его брат закончили Одесскую Духовную семинарию. И свою дальнейшую жизнь, они оба связали с служением Богу. Старший брат его Петр состоял секретарем у митрополита Анатолия (Грысюка) и был священником храма Святителю Димитрия Ростовского. Сам же старец Иоанн взял на себя подвиг юродства, получив благословение от самого святого праведного Ионы, Одесского чудотворца. Было это так: в 1923 году Иоанн Петрович неделю прожил в доме отца Ионы и в один из воскресных дней после Божественной литургии прихожане храма увидели довольно странное зрелище. До того хорошо одетого молодого человека вывел из алтаря батюшка Иона совершенно босым, плечи его покрывала лишь мешковина подпоясанная

веревкой. В таком виде он отправился на Второе христианское кладбище в Дмитриевский храм, где служил его родной брат Петр.

Иоанн Петрович был начитанным и весьма образованным человеком. Все кто встречал этого раба Божия, испытывали большую благодать от одного только вида. Босиком, одетый в рубище, в строжайшем посте, труде и непрестанной молитве, в ночных бдениях — он смиренно нес свой крест на пути к Всевышнему. Лицо Ивана Петровича было сосредоточенное, глаза опущенные, часто полные слез, речь была отрывистой и не всегда понятная посторонним людям.

Еще будучи школьником, Ваня Жуковский часто снимал обувь и ходил босиком. Когда ему говорили: «Простудишься», он отвечал: «Ничего, на старости пригодится!». В советское время, блюстители порядка говорили: «Чего, мол, страну позорит, босиком ходит». Чтобы отвести внимание властей, он надевал ботинки без подошв на босу ногу и так ходил.

Во Вторую мировую войну скрываясь от оккупантов на Втором христианском кладбище, блаженный старец находил часто ночлег прямо на могилах. После открытия православных храмов румынами он стал жить в скиту женского монастыря на Большом Фонтане, где пас монастырских коров, а после закрытия скита, при женском Михайловском монастыре.

Жил Иван Петрович в маленькой келье, а иногда на конюшне, и послушание его было кормить странников и прихожан в малой трапезной. Кастриули и посуду он всегда мыл сам. В беседе с прихожанами и паломниками проявлялись чудеса и прозорливость старца.

Однажды к старцу подошла женщина с просьбой благословить ее дочь на брак. На это Иван Петрович ответил коротко: «Две недели подождите». Через две недели жениха арестовали как давно разыскиваемого уголовного преступника.

Сына одной женщины в 1944 году призвали в армию, но перед тем как идти в путь, женщина испекла постных пирожков и попросила сына отнести их к Ивану Петровичу. «Какая армия? — воскликнул блаженный новобранцу, принимая пирожки. — Никуда не пойдешь!» Слова его оказались пророческими, через несколько дней юношу вернули домой.

Общаясь с прихожанами монастыря, он обогащал их духовно, очищал их совесть от грехов, обличал, наставлял. Особенно он любил монашествующих, всячески опекая молодых сестер, ибо знал, как велики скорби и искушения, наводимые врагом рода человеческого на новоначальных.

Ко всем приходившим к нему он относился с любовью. Провидел скорби и недуги их жизненного пути. Таинственными, иносказательными действиями или словами помогал переносить горе.

Иван Петрович жил в крайней бедности. Его добровольная нищета удивляла всех, кто имел счастье побывать в его убогой келье. Спал он на сене, прикрытом мешковиной. Был очень

трудолюбив и ревностен в послушании. Соблюдая идеальную чистоту. Не терпел мусора на улицах, постоянно ходил с веничком и совком. При нем тропинки и аллеи сияли опрятностью. А бывали случаи, когда он мел мусор особенно тщательно и неутомимо. «Смотрите, как метет — говорили между собою сестры, — значит Владыка приедет!» Так и случалось, обязательно в тот день обитель посещал Владыка.

Блаженный старец обладал не только даром прозорливости, но и исцеления.

Молитва старца была всецелым общением с Богом. Три раза блаженному старцу Иоанну являлась Пресвятая Богородица. Некоторые из сестер удостаивались видеть его во время молитвы. Он был весь в слезах и настолько уходил в богомыслие, что не реагировал на происходящее, где бы он ни молился, в храме или на монастырском послушании. Любимым местом его молитвы была в храме икона преп. Серафима Саровского после молитвы старца у этой иконы монахи всегда вытирали лужу слез.

Перед своей смертью старец говорил некоторым сестрам: «Я скоро умру». Он предсказывал: «Меня за ворота — и вас за ворота». Вскоре Михайловский монастырь был закрыт.

В последние время, после несчастного случая, когда на конюшне монастырской конь сильно ударил его, повредив несколько ребер, состояние старца значительно ухудшилось. Но он, как всегда, ни минуты не сидел без дела. В этот раз он вез тачку и ему вдруг стало плохо. Это был инсульт. Сестры, видевшие это, бросились ему помогать. С их помощью блаженный смог дойти до своей кельи, где вскоре и умер. Это произошло 28 марта 1960 года.

Погребение состоялось 30 марта, в день памяти св. праведного Алексия, человека Божия, христианский подвиг которого старец Иоанн так светло воплотил в своей жизни. Когда старца провожали в последний путь, встал вопрос: одевать новопреставленному обувь или нет, решили так и хоронить — босым.

В настоящее время число почитателей старца растет. К могиле старца отовсюду приезжает православный народ и многие по вере получают просимое от Бога, молитвами приснопамятного старца Ивана Петровича.